

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

Первобытное искусство

До сих пор вопрос о том, что такое искусство, как оно появилось и даже где оно появилось, остается открытым. Потому что слишком большое хронологическое расстояние отделяет нас от того времени, которое называется эпохой палеолита. Хотя мы имеем мало прямых доказательств того, каким был человек 150 века до нашей эры, но мы имеем много косвенных представлений о его сознании и о его мышлении.

Мы понимаем, что этот человек первобытного мира был самым слабым существом во Вселенной. Он не был вооружен никакими когтями, клыками, шкурами. Он был самый беззащитный, поэтому выжить он мог только одним способом – объединившись в род. Поэтому понятие рода было очень важным для сохранения человека. В отличие от всего остального мира природы, даже самый примитивный, самый первобытный человек, который только начинал осваивать речь, уже обладал особым мышлением и особым сознанием. И главное в этом сознании – это свойство человеческой природы одушевлять то, что ты не можешь объяснить. И вот этот анимизм, одушевление мира, мы видим во всех произведениях первобытного искусства.

Конечно, первобытное искусство сегодня достаточно изучено, систематизировано. В нем разделяют много разных периодов. Но я бы для краткости и для лучшего понимания выделила два таких важных больших века – палеолит и неолит.

Палеолит – это древний каменный век, а неолит – это новый каменный век. Между ними проходит очень важный водораздел, он заключается в том, что человек эпохи палеолита – это человек-кочевник. Он не строит жилище, он живет в пещерах, поэтому он всегда кочует за животными. Потому что вся его жизнь полностью зависит от животных. Потому что основа его жизни – охота. И если охота удачная, то в роду наступает благоденствие. Если охота неудачная, то весь род сразу вымирает.

Многие исследователи, не только Эрнст Гомбрих, занимались изучением первобытного искусства. Это Михаил Алпатов и многие западные исследователи. И все отмечали одну и ту же особенность – возникновение очагов человеческой цивилизации происходило в разных местах мира и Земли одновременно. Мы не можем сказать, что Африка была колыбелью человечества, или Австралия была колыбелью. Или Европа. Нет. Абсолютно на разных материках мы находим стоянки древнего первобытного человека. И нет территории, где бы ни было его присутствия. Другое дело, что очень многое исчезло, потому что слишком большое расстояние нас разделяет.

Какие два самых интересных сохранившихся памятника первобытного искусства я могу назвать вместе с Эрнстом Гомбрихом? Это две пещеры. Одна пещера называется Альтамира. Это пещера в Испании. А вторая – пещера Ласко во Франции. И в той, и в другой пещере мы видим, что стены и потолок полностью покрыты росписями. Иногда французскую пещеру Ласко называют «Сикстинской капеллой эпохи палеолита». Когда попадаешь туда, то ты как раз можешь почувствовать себя немного тем первобытным охотником, жизнь которого полностью зависела от очень многих обстоятельств. И что ты видишь? Ты видишь, что стены этих пещер – и пещеры Альтамира, и пещеры Ласко – покрыты очень большими росписями. Потому что все первобытные росписи художник делает всегда в натуральную величину. Если мамонт, то размером с мамонта, если бизон, то размером с бизона. И ты начинаешь думать, какая трудная была жизнь у этого человека, как вообще он жил.

Известно, что первобытный человек жил трудно, поэтому жизнь у него была короткая. Обычно до 30 лет. К этому времени, к 30 годам, он уже терял все свои зубы, волосы, потому что пища была термически едва обработанная. Вообще, жизнь была полна сложностей. Голод – постоянный, бесконечный спутник человечества. Значит, казалось бы, он должен все силы сосредоточить на охоте, на выживаемости. А он вдруг начинает заниматься чем-то, не имеющим отношения к охоте. Он начинает делать краски. Для того чтобы сделать краски, нужно взять минерал, растолочь его в ступе, получить пигмент, потом этот пигмент смешать, например с яйцом или с медом, и получить краску. А потом заняться росписью. Поскольку это монументальные росписи, то это занимает много времени. Кажется, что он занимается излишеством, что он тратит свои силы и время не совсем на то, что нужно. Но это только кажется на первый взгляд. Потому что когда первобытный человек изображал бизона,

на которого он потом пойдет охотиться, то он его как бы заранее побеждал. Или когда он изображал существо мифическое, то он как бы просил помощи у этого существа. То есть знак, изображение для первобытного человека были абсолютно реалистичными. Они обладали защитными функциями. Ведь он чувствовал себя самым слабым. Он не мог объяснить явления природы вокруг себя, но он мог их поэтизировать, он мог создать про них миф. И вот это очень важное свойство человеческой природы. В донаучном мире мы все время сталкиваемся с этим свойством.

Например, ночь. Надо сказать, что она живая. Почувствовать, что она живая. Или голод. Он живой, и тогда с ним можно разговаривать, и тогда с ним можно работать. Вот этот анимизм, поэтизация – основные черты сознания первобытного человека, про которые говорит как раз не только Гомбрих. Конечно, этот первобытный человек видел мир не так, как мы с вами. Он видел его гораздо зорче, он, конечно, часто путал причину и следствие. Видя как рыба плавает в реке, он говорил, что рыба толкает воду в реке. Или видя рассвет, видя как из тумана рождалось солнце, он говорил, что туман рождает солнце. Он видел, как всходит солнце из-за леса. Или, например, когда он видел неполную луну, он говорил, что она надкушена зверем, и значит, нельзя в это время ехать на охоту и вообще собираться на охоту. Он подмечал все эти природные приметы. И из всего этого он создал свой миф. Мифология – это и есть первое человеческое осознание, которое очень тесно связано с искусством. Для чего человек рисовал все эти росписи, всех этих животных, которых он видел? Не чтобы выразить себя, как отвечают мне сейчас часто мои студенты. И не чтобы запечатлеть момент. Нет, он понимал, что он единственный, кто может изобразить этот мир. И поэтому, когда он рисует бизона, он его заранее побеждает, он обретает над ним власть.

Конечно, когда мы рассматриваем все эти росписи, мы видим, что здесь нет единой композиции. То есть его сознание воспроизводит отдельные фигуры животных, часто не связанные друг с другом. Но нельзя не поразиться степени реализма, с которой он их воспроизводит. Какой он был наблюдатель, какой зоркий глаз. Например, вот перед нами дерущиеся бизоны. Очень точно найдены пропорции. Очень точно соблюдены движения. Мы даже видим, что это весна, период гона. Поэтому они дерутся, поэтому один бок у животного линяет и он другого цвета.

Давайте посмотрим на пещеру Ласко. Попытаемся ощутить масштаб росписей, масштаб проделанной работы. При этом заметьте, что пещера – это темнота, там нет никакого источника освещения, кроме, может быть, очага который там был. То есть эти росписи не для зрителей. Эти росписи нужны были самому этому человеку, охотнику, чтобы сначала победить животное здесь, а потом выйти на настоящую охоту, уже как бы заручившись вот этой своей ритуальной властью над животным. Очень интересно заметить еще, что самое первое изобразительное искусство, оно почти всегда реалистично. Потом художник перейдет к абстракции, символизации, схематизации. А вот первые изображения животных – они очень трехмерные, очень реалистичные.

Что тут есть из самых интересных росписей? Например, мамонты. Значит, все-таки был период, когда мамонты и люди жили вместе. И тогда это уже был человек разумный, *Homo sapiens*. И он уже был творческий. Что меня всегда поражало в этом первобытном искусстве, когда я начинала вглядываться в него? Как только начинается человек, так сразу начинается искусство. Это значит, что вот эта потребность – петь, например, да и потребность изображать – это внутренняя потребность человека, которая начинается сразу, как только начинается человечество. Именно поэтому искусство никогда не исчезнет, это неотъемлемая часть человеческого мира. И это именно то, что отличает человека от всей остальной природы, от всего остального природного мира.

Наверное, самое известное изображение из пещеры Альтамира – вот этот бегущий бизон. Степень реализма просто потрясает. Как точно зафиксировал движение этот первобытный художник! И как он изображает эту фигуру светотенью – трехмерно, объемно и очень масштабно.

Конечно, не менее поражает и пещера Ласко. Что мы еще часто встречаем во всех первобытных пещерах, кроме изображения животных? Например, вот такие отпечатки рук. Что такое рука? Это момент самоидентификации, момент отделения себя от мира природы. Историю человечества иногда сравнивают с эволюцией развития человека, личности.

У человека тоже бывает такой период, когда он сначала маленький человек, ребенок. И он не отделяет себя от мира внешнего, он не понимает, что такое «я». А потом наступает двухлетний возраст, когда он вот это «я» повторяет на все лады, потому что он вдруг понимает, что он – это нечто отдельное от мира. Мне кажется, что такие отпечатки рук и следы этих отпечатков – по-другому они называются «макароны» – это как раз такой момент самоидентификации. Момент понимания того, что я – не часть природы, что я – отдельная природа, совсем другая. И это, конечно, момент появления личности. Можно сказать, что отпечатки рук – это первые автопортреты. Хотя мы видим, что сначала в росписи всех пещер всегда появляются животные. Это не всегда те животные, на которых охотится человек. Иногда это северные олени. То есть это ритуальные животные, животные-тотемы, животные-божества в докультовое время.

Например, в пещере Гаргас мы видим негативные отпечатки рук с недостающими фалангами. Что это за руки? Почему недостает фаланг? Может быть, в некоторых племенах существовали обряды: когда умирал кто-то из близких, то чтобы человек ощутил потерю, ему отрубали палец. Поэтому в результате сколько у тебя погибших родных людей, столько у тебя будет не хватать пальцев. А может быть, и нет. Все дело в том, что первобытное искусство от нас наиболее удаленное. Поэтому оно наиболее трудное для изучения. Мы можем здесь только предполагать. Но все-таки вот этот поэтический дух, мифологическое сознание первобытного человека мы очень хорошо чувствуем.

Кстати, еще одна особенность первобытного человека состояла в том, что он не умел абстрагироваться. Например, некоторые языки, которые сохранили свой архаический или традиционный вид, подтверждают эту мысль. Например, я удивилась в свое время, когда узнала, что в якутском языке нет слова «снег». Хотя, казалось бы, как может в якутском языке не быть слова «снег»? Потому что там огромное количество разнообразных описаний этого снега: снег мокрый, снег жесткий, снег только что выпавший, снег старый. Самые разные описания, а самого слова «снег» нет, потому что не было этого умения обобщать. Оно появится как раз у человека эпохи неолита, чуть позже. Например, в китайском языке нет слова «люди». Люди – это два иероглифа через дефис, то есть «человек-человек». То есть как бы перечисление.

Кроме живописи, в первобытном искусстве возникает, конечно, и скульптура. Некоторые скульптуры этого времени нас удивляют. Например, вот эта Виллендорфская Венера. Она найдена на территории современной Австрии. Она очень маленькая – всего 10–15 см высотой. Конечно, она сразу воспринимается нами как нечто неправильное, потому что мы видим, что это женщина. Но она какая-то неправильная женщина. Если мы внимательно подумаем, если мы опять вернемся к тому, как жил человек эпохи палеолита. А это, я повторяю, 150–100 век до нашей эры, то есть очень дальняя даль от нас. Тогда мы поймем, что в то время таких полных людей существовать, конечно, не могло. Поэтому это все плод воображения. Потому что перед нами на самом деле не фигура женщины, а фигура-символ, символ плодородия. И поэтому она лишена всех конкретных черт. У нее нет рук и нет лица. А вот ее объемы, они гипертрофированы, потому что это объемы, подчеркивающие ее символическое значение.

А теперь давайте посмотрим, как современное искусство очень любит тех первобытных художников. Потому что первобытное искусство, несмотря на грубость форм, на самом деле очень выразительное и обладает большой силой воздействия. Поэтому мы легко можем найти художников современного искусства, которые вдохновляются теми формами. Например, Фернандо Ботеро. Это скульптура, которая украшает сквер «Есентай молла» в нашем городе Алматы. Это скульптура Фернандо Ботеро. Она одна из самых дорогих скульптур мира. Он живет и творит сегодня. Вот эта «Ева, девушка с яблоком», она, конечно, очень перекликается с той Венерой Виллендорфской. Она такая же могучая, такая же большая. Она может вынести на себе всю тяжесть мира. Или рядом две скульптуры Генри Мура. Генри Мур – это один из самых известных скульпторов первой половины XX века. В нашем Музее искусств имени Кастеева была его выставка, очень интересная. Благодаря «Британскому совету». Мы тоже не можем не заметить сходство с теми самыми первыми формами.

Венер на самом деле найдено много. Вот, например, «Дама в капюшоне» – это уже поздний палеолит, это уже не камень, а кость. Искусная резьба по кости. Но мы видим тот же самый подход: типизацию, обобщение.

Переход к условному, символическому, почти абстрактному искусству происходит в эпоху неолита. И чем отличается неолит от палеолита? Тем, что в нем возникает другой вид деятельности. Кроме охоты появляется еще сначала собирательство, а потом земледелие. А как только возникает земледелие, то это становится альтернативой охоте. Теперь жизнь рода не так зависит от охоты. Теперь, даже если охота будет неудачной, люди не умрут. Это тот короткий период, когда начинается матриархат. Хотя, конечно, не все ученые вообще согласны с тем, что матриархат был. Все сложно в истории искусства, как и вообще все еще более сложно в истории человечества. Надо понимать, что нет ничего раз и навсегда установленного. Все всегда подвергается бесконечным уточнениям. Все-таки фигура женщины возникает в искусстве в эпоху матриархата. Потому что именно женщины первые начинают заниматься собирательством. Да и земледелием тоже. Очень быстро земледелие станет сложным, трудным. И это опять станет мужской профессией. А сначала был матриархат.

Вот сейчас мы смотрим на произведения эпохи верхнего палеолита, то есть это уже почти неолит. Это Кикладское искусство. Кикладские острова – сегодня это территория Греции. Но тогда это были прото-времена, еще очень далекие. Нельзя сказать, что это имеет отношение к Греции, это просто Кикладское искусство. Мы видим здесь такую степень обобщения, как будто эти скульптуры делает не древний художник, а совершенно современный художник. Особенно ты видишь это, когда смотришь на такое лицо. Это лицо я увидела в Лувре, и оно напомнило мне, конечно, абсолютно современные скульптуры Модильяни. Вот эта «Женская голова» Амадео Модильяни – это самая дорогая скульптура начала 20 века. Модильяни делал ее, конечно, видя то искусство, первобытное. Конечно, он тоже был в Лувре. Конечно, он тоже это встречал. Этот лаконизм, когда убраны все детали, когда художник не собирается следовать за натурой, а собирается превратить ее в знак, в символ. Это одинаковые послы у художника первобытного и у художника современного, которые как раз совпадают.

Человек эпохи неолита, таким образом, уже начинает вести оседлый образ жизни. Он теперь живет уже не в пещерах, а в домах. Правда, эти дома малокомфортабельные, чаще всего это землянки, едва пригодные для жизни. И что поражает меня в этот период эпохи неолита? Сам человек живет в домах некомфортабельных, в жилищах. Это не дома, это хижины, землянки. Но в это время он строит святилища мегалиты огромной высоты, огромных размеров. Он тратит на это большое количество времени и сил.

Самый известный мегалит – это кромлех Стоунхендж на территории Великобритании. По хронологическому периоду это верхний палеолит. Хотя здесь с границами тоже все очень сложно, потому что 18 век до нашей эры в Великобритании – это эпоха палеолита. А, например, в Древнем Египте – это уже эпоха Нового царства. Поэтому неравномерное развитие – это тоже особенность именно первобытного искусства, именно искусства Древнего мира.

Что это за кромлех Стоунхендж? Кромлех – это, конечно, святилище, это прототип храма. Здесь возникают три важных новых элемента, которых не было до этого момента. Во-первых, менгиры. Что такое менгиры? Менгир – это отдельно стоящие вертикальные плиты. Это прототип скульптуры. Пока сходство с человеком здесь только в одном – в вертикальном положении. Вот к этому кромлеху, который расположен таким хороводом, полукругом, вела аллея менгиров, которая напоминала как раз шествие людей. Сегодня достоверно точно известно, что большие, огромные каменные плиты Стоунхенджа, которые мы видим, были добыты не здесь. Они были добыты за 10 км отсюда, в каменоломне. Конечно, большой вопрос в том, как же их так ровно обтесали? Каменными топорами. Если кто-то из вас видел в музее, что такое «каменные орудия труда», то вы поймете, о чем я говорю. Вы представьте себе, как можно с ними работать, как можно такими примитивными орудиями обтесывать камень. Тем не менее мы видим результат. То есть их доставили от каменоломни за 10 км в особое место, а потом дальше их расставили.

Кроме менгиров здесь еще появляются дольмены. Что такое дольмены? Это вот эти домики – когда две плиты, и на них лежит третья плита. И что такое дольмен? Это прототип архитектуры. Архитектура – это уже очень важное открытие, потому что архитектура – это новая природа, это природа, которая создана человеком. То есть это область, где человек становится творцом, демиургом, создателем. Он сотворит новое пространство. Вот это пространство, которое появляется внутри дольмена – это новое пространство. Оно скрытое, оно называется

сакральным. Его не было до того, как человек его создал. Это все очень важно. Про кромлех Стоунхендж тоже сегодня написано очень много и снято много передач. Многие до сих пор еще не точно известно. Кто-то говорит, что это первая обсерватория. Это очень может быть. Но во всяком случае понятно, что это первое святилище. Вот этот приоритет духовного над бытовым, духовного над материальным я вижу на протяжении всей истории человечества. Храм всегда строится дольше и сложнее, чем дом. Это будет не только у первобытного человека. Это будет абсолютно на всех этапах всей цивилизации. И конечно, остается загадкой, как воздвигали верхнюю плиту в дольмене. Вес тяжелый, плита высотой около 6 метров. И весят они, конечно, много. Как они положили плиту на эти две плиты с теми орудиями труда и с тем уровнем развития науки? Это, конечно, остается загадкой для нас. Мы можем предполагать, что был насыпан холм, что по бревнам, по холму все это потом закатали, что как всегда у древних строителей было два ресурса неограниченных – это время и люди.

Говорят, что кромлех Стоунхенджа строился около тысячи лет. То есть ничего точного и конкретного нет, но сам кромлех есть. Есть чем любоваться и о чем думать.

Стоит рассмотреть еще несколько изображений эпохи неолита, чтобы увидеть, как после объемного со светотенью изображения бизонов в пещере Альтамира и в пещере Фон-де-Гом, вдруг появляются изображения линейные. Например, вот этот олень, который пьет воду или женщина, которая собирает мед. Мы видим, что эти изображения больше похожи на надписи, на буквы. Или это приближение такое. Мы видим, что художник эпохи неолита теперь не просто изображает отдельные фигуры животного, а рассказывает нам историю, появляется повествование. Для этого он упрощает форму, для этого он переходит к знаковости.

Например, очень известной работой является «Охота на лося». Охотник и его ребенок с луком, со стрелами, лось и вокруг огромное количество собак. Кажется, что вот так выглядела охота. На самом деле это не много собак, а одна и та же собака, которая совершает много движений вокруг лося. Это мультипликация. Такая симультанность, одновременность движений.

Мы видим, что сознание человека эпохи неолита, конечно, отличается от сознания человека эпохи палеолита. Хотя все процессы тогда происходили очень медленно, но все-таки образ становится совсем другим.

Вот и Эрнст Гомбрих говорит про первобытное искусство и про доколумбовую Америку. В том числе в книге есть такая «Маска духа», которая найдена на Аляске примерно в 19 веке до н. э. Он говорит о том, что первобытное искусство не всегда бывает красивым, потому что оно не преследует такой цели. Но оно всегда бывает выразительным. Глядя на эту маску, я понимаю, как много дала Америка человечеству. Потому что когда мы будем говорить про эпоху Ренессанса, то самое главное открытие эпохи Ренессанса – это открытие Америки. И в том числе не только новой культуры, но, например, и продуктов. Мы сейчас, может быть, про это не вспомним. Но когда картофель впервые привезли Европу в 15 веке, то они называли это «живые трюфели инков» и считали картофель волшебным. Не будем забывать, что именно картофель сыграл потом ключевую роль в росте населения Европы в 17–18 веке. Вряд ли бы оно так выросло, если бы не появился этот продукт. Точно так же и помидоры. Когда европейцы в первый раз увидели помидоры, они назвали их «романтические плоды любви».